

обещал вернуться

Максим Венгеров вновь сыграл в Москве

Илья овчинников

Минувшей зимой всемирно известный скрипач Максим Венгеров впервые дал сольный концерт в Москве. Ближе к Новому году он вернулся — не только с музыкальной, но и с гуманитарной миссией. Вполне новогоднюю программу Венгеров начал с того, что передал в дар Московской консерватории новый французский клавесин, который был немедленно опробован Алексеем Любимовым.

Январский концерт Максима Венгерова начался с изменения программы: вместо обещанных трех сонат Брамса прозвучала одна, а кульминацией вечера стала бетховенская «Крейцера». На этот раз все повторилось в обратном порядке: Бетховена заменили Брамсом. Впрочем, неожиданно стали начались уже с выходом на сцену Алексея Любимова. И Венгерова, и Любимова любит публика, однако это, вероятно, единственное, чем они схожи. В остальном между Венгеровым, лауреатом «Грэмми», одним из самых высокооплачиваемых и активно гастрوليрующих скрипачей мира, и Любимовым, приверженцем камерного, нерасхоженного репертуара, нет почти ничего общего. Тем не менее вполне естественно, что именно Любимов от лица Консерватории принял подарок Венгерова: уже несколько десятилетий Любимов пропагандирует в России аутентичную манеру исполнительства и клавесин в частности.

Алексей Борисович поблагодарил Максима «как коллегу в области старинной музыки»; вместе они исполнили адажио из си-минорной сонаты Баха. Дуэт звучал не слишком сыгранно, а клавесин был бы более уместен в Малом зале, однако факт появления в Консерватории нового инструмента, украшенный встречей двух поколений музыкантов и исполнительских манер, настраивал на праздник. Который состоялся, хотя и по иному сценарию, нежели можно было бы предположить. Изначально программа обещала Седьмую сонату Бетховена и широкий набор пьес «на бис». Седьмая, новаторская, драматичная и по форме близкая к симфонии, могла бы стать краеугольным камнем программы. Вместо нее прозвучала Первая Брамса — более взволнованная, но менее масштабная и напряженная.

Поначалу игра Венгерова, казалось, страдала излишней прямоотой, однако со временем это ушло: в последней части сонаты

скрипка звучала подобно человеческому голосу — жаловалась, убеждала и завораживала. Пианист Иен Браун не показывал себя столь же чутким аккомпаниатором, каким был Фазиль Сай, с которым Максим играл в прошлый раз: случались неверные ноты, не было достаточного внимания к солисту. Неоднозначное впечатление едва ли могло быть сглажено целым отделением «бисов» — так казалось автору этих строк, и он был рад ошибиться. Сами по себе «бисы» в большом

количестве менее ущербны, чем «лучшие арии из опер», однако многое зависит от формы подачи. Форму же Максим избрал свободную, интригующую и в высшей степени интеллигентную.

Потряса кипой нот, Венгеров дежурно спросил у публики разрешения сыграть по своему выбору набор пьес, объединенных именами композиторов-скрипачей. Определялся ли порядок номеров заранее или по ходу дела — неизвестно, однако Максиму удалось выстроить их в убедительное целое. Пьесы Венявского, Крейслера, Паганини, Изаи Венгеров сыграл совсем не в «бисовой» манере, подчеркивая в них не эффектную виртуозность, а мелодичность и глубину. Время от времени Максим рассказывал о Венявском и Крейслере — так, как если бы они были его друзьями, с уважением и со вкусом: жаль, что подобный жанр концерта с элементами лекции у нас почти забыт. Впрочем, как и год назад, наибольший энтузиазм публики вызвал сверхвиртуозный «Танец гномов» Баццини. Люди в дорожных костюмах, явно впервые пришедшие в Консерваторию, наконец смогли шепнуть своим дамам: «Во дает, супер, правда?» Впрочем, Венгеров, судя по всему, остался доволен аудиторией — не исключено, что скоро он захочет вернуться вновь.

После каждого номера Венгеров с удовольствием принимал цветы, отмечая, что ни в одной стране ему не дарили их в таком количестве. Фотограф: Глеб Щелкунов